

О, Свет святой! О, первенец Небес!
Хвала тебе! Дерзну ль неосужденно
Лучом совечным Вечному назвать
Тебя, когда Господь есть Свет,
От века сущий в неподступном свете,
А стало быть, о излученный блеск
Субстанции несозданной, в тебе!
Эфира ли ты чистое струенье?
Но кто укажет мне, где твой исток?
Ты прежде Солнца пребывал и Неба
И повинуюсь голосу Творца,
Подобно ризам юный мир облек,
Возникший из безвидной пустоты
Безмерной, мир глубоких, черных вод.
Стигийскую пучину миновав,
Покинув тьму, где долго я блуждал,
На смелых крыльях возвращаюсь вновь
К тебе. Летя сквозь мрак и полумрак,
Ночь древнюю и Хаос я воспел
Не на Орфеев лад, на лад иной.
Нет! Музою небесной умудрен,
Спускался я в провалы темноты
Отважно и от туда восходил
Опять к высотам. Труден этот путь
И необычен. Снова я обрел
Тебя и воскрешающую мощь
Твоей лампы чую, но глаза
Ты никогда мои не посетишь.
Вотще они вращаются, ища
Всепроникающих твоих лучей,
Не находя и промелька зари,
Их погасила темная вода,
А может, бельма плотные. Но все ж
Я, возлюбив священные напевы,
Паломничества не прерву в страну,
Где обитают Музы, где ручьи
Прозрачные, тенистые леса
И солнцем напоенные холмы.
Но предпочтительно к тебе, Сион,
К источникам, которые в цветах,
У твоего подножия журчат
Святого, я ночами уношусь,
Нередко вспоминая двух мужей
Слепых: Тамириса и Меонида,
С которыми сравнился я судьбой,
О, если б равной славы мне достичь! -
И думаю о древних двух волхвах:
Финее и Тересии. Мой дух
Тогда питают мысли и невольно
Рождают гармонический напев.
Так птица в непроглядной тьме поет
Бессонная и, среди густых теней
Укрытая, свою ночную трель
Выводит. Наступают каждый год
Весна и лето, осень и зима,
Но никогда не возвратится день
Ко мне. Я не увижу никогда
Блаженных смен восходов и закатов,
Ни вешних цветников, ни летних роз,
Ни тучных стад, ни дивных лиц людских.
Подобно туче, беспросветный мрак
Меня окутал, от мирской стези.
Кипучей отстранил навек меня,
И Книга, по которой изучать

Я мог Природы дивные дела,
Померкла, выскоблена и пустых
Страниц полна, закрыты, для слепца,
Одни из врат Премудрости навек.
Тем ярче воссияй, Небесный Свет,
Во мне и силы духа озарив,
Ему восставь глаза, рассей туман,
Дабы увидел и поведал я,
То, что узреть не может смертный взор.

С пречистой, эмпирейской высоты,
С Престола наивысшего, Отец
Всемощный, глядя вниз, обозревал
Свое творенье и дела Своих
Созданий. Словно звезды, без числа
Толпясь вокруг Творца, Небесный сонм
Святой, при созерцанье Божества,
Блаженствовал безмерно. Сын Его
Единый одесную восседал,
Господней славы образ лучезарный.
Творец на Землю взоры преклонил
И наших прародителей чету
Вдали узрел, единственных людей,
В ту пору населявших райский сад,
Вкушавших там бессмертные плоды
Любви непревзойденной, несравненной
И непрерывно длящихся утех,
В отрадном одиночестве. Затем
На Ад и на пучину Он воззрел
Окружную, заметил Сатану:
Меж башнями Небес и царством Ночи
Парил скиталец в сумрачной среде,
Усталые крыла сложить стремясь,
Дабы нетерпеливою пятой
На почву мира нового ступить,
Нагого, сходного с материком,
Укрытым средь стихий, но небосвода
Лишенным и нельзя определить:
Воздушный или водный океан
Глухие омывают берега.
И со Своей взирая высоты,
От куда настоящее Ему,
Грядущее и прошлое ясны,
Провидчески промолвил Сыну Бог:
"Мой Сын едиnorodный! Убедись
В свирепом рвенье Нашего Врага.
Ни предписанья строгие Мои,
Ни все преграды Ада, ни цепей
Железо, ни бездонная пучина,
Его не удержали, злобный Дух
Отчаянною жаждою влеком
Отмщенья, но обрушится оно
На голову мятежника. Теперь
В пределах света он летит, вблизи
Небес, к недавно созданной Земле,
Он Человека силой погубить
Замыслил, или хуже соблазнить,
Употребив коварство и обман.
И соблазнит. Беспечно и легко,
Поддавшись лживой лести, Человек
Не соблюдет единый Мой запрет,
Единый послушания залог,
И со своим потомством совокупно
Изменчивым падет. По чьей вине?

Ужели не по собственной? В удел
Я все неблагодарному отвел,
Чем он владеть способен, Я благим
Его и чистым создал, волю дал
Свободно Зло отвергнуть или пасть.
Таков закон для сотворенных Мною
Эфирных Сил и Духов, как для тех,
Что пали, так для тех, что Мне верны
Остались. Преступить ли, устоять
От них зависело. Как бы могли,
Не будучи свободными, любовь
Свою ко Мне бесспорно доказать,
И преданность, и верность? Если б долг
Они осуществляли принужденно,
Не следуя хотенью своему,
А лишь необходимости одной,
В чем их была б заслуга? Разве Мне
Смиренье мило, если воля, разум
(Ведь разум это тот же вольный выбор)
Бездейственны, бессильны, лишены
Свободы выбора, свободной воли,
Не мне, а неизбежности служа?
Я справедливо создал их. Нельзя
Им на Творца пенять и на судьбу
И виноватить естество свое,
Что, мол, непререкаемый закон
Предназначенья ими управлял,
Начертанный вселенским Провиденьем.
Не Мною ими был решен мятеж,
И если даже знал Я наперед
Предвиденье не предрешало бунта,
И не провиденный, он все равно
Свершился без вмешательства Судьбы.
Без принужденья, без неизбежных
Предначертаний, Духи предались
В суждениях и выборе греху.
На них вина. Они сотворены
Свободными, такими должно им
Остаться до поры, пока ярмо
Не примут сами рабское, иначе
Пришлось бы их природу исказить,
Ненарушимый, вечный отменив
Закон, что им свободу даровал.
Избрали грех они, самих себя
Разврату и обману обрекли,
Зачинщиками став. Но Человек
Падет, прельщенный ими, посему
Его помилую, но Духам Зла
Прощенья нет. Мой справедливый суд
И милосердие славу приумножат
Мою на Небесах и на Земле,
Но первым и последним будет свет
Ярчайший милосердия сиять".

Пока Творец глаголил, аромат
Амброзии овеял Небеса,
Сладчайшим счастьем новым упоив
Блаженных Духов избранных, но Сын
Был славой несравненной озарен,
Вся суть Отца отобразилась в Нем.
Святое состраданье лик Его
Являл, неистощимую любовь
И милость беспредельную, излил
Он чувства эти, обратись к Отцу:

"Отец мой! Завершил Ты приговор
Державный милосердно: обретет
Пощаду Человек! Тебе хвалы
Провозгласят и Небо и Земля
В несметных песнопениях священных
И гимнах, вокруг престола Твоего,
Из века в век Творца превознося.
Возможно ли, чтоб Человек погиб,
Юнейшая из тварей, младший сын
Любимый Твой, хотя бы даже он,
Обманом соблазненный, согрешил
В безумии своем? О, Ты далек,
Далек от этой мысли, мой Отец!
Ты всех своих созданий Судия
Непогрешимый, праведный, ужель
Дозволишь Ты Врагу осуществить
Его стремленья, обратить в ничто
Твой Промысел благой, а силы Зла
Победно разнуздать? Неужто Враг,
Пускай для горшей кары, но гордясь
Отмщеньем, увлекая заодно
Весь род людской, который он растлил,
Вернется в бездну Адскую? Неужто
Из-за него Ты уничтожишь Сам
Созданье, сотворенное Тобой
Для славы Собственной? Такой исход
Сомнению бы кощунственно подверг
Величие и благодать Божества
И предал бы хуле неотвратимой!"

"О Сын! Господь отвечал. Души
Моей отрада, отпрыск недр Моих!
Единый Ты, Моя Премудрость, Мощь
Творящая и Слово! Глубину
Моих решений вечных Ты постиг
И выразил: погибнет Человек
Не до конца. Желаящий спастись
Спасение обрящет, но отнюдь
Не волей собственной, но лишь Моим,
Даруемым свободно милосердьем.
Жестоко истощенные в плену
Греха, среди разнузданных страстей,
Людские силы жалкие опять
Восставлю Я, да, подкрепленный Мной,
Он со смертельным встретится Врагом
На равных основаньях, да поймет,
Мной подкрепленный, что ослаблен он,
Ослушник падший, что обязан Мне
Спасением иному никому!
Я милости особой удостою
Избранников немногих, таково
Мое соизволение. Остальных
Не перестану обличать в грехах,
Дабы разгневанное Божество
Просили о прощении, пока
Еще не поздно и Господь благой
Их милосердно призывает. Мрак
Людских умов я просветлю, смягчу
Сердца их каменные, побудив
Раскаяться, покорствоваться, молить.
К раскаянью, покорству и мольбам
Чистосердечным Я не буду глух
И слеп. Я в души Совесть им вселю,
Вождя и Судию. Кто внимлет ей,

От света к свету следуя, стремясь
К заветной цели, тот себя спасет.
Но презирающий долготерпенье
Создателя и пренебрегший Днем
Прощения не будет пощажен.
Пускай ожесточенные сердца
Ожесточатся пуще, слепота
Усугубится, дабы глубже пал
Ослушник, спотыкаясь. Лишь таким
Прощения не будет. Но не вс?
Сказал Я: Человек, поправ запрет,
Растопчет верность, отвергая власть
Верховную Небес и возжелав
Сравниться с Богом, он последних благ
Лишится. Нечем будет искупить
Ему свою измену, посему
Он обречен распаду. Умереть
Должны и он, и отпрыски его,
И либо Справедливость, либо он
Умрет, когда не сыщется другой,
Достойный, кто в замену б захотел
Себя охотой в жертву принести
Суровому закону: смерть за смерть.
Ответьте, Силы горние: любовь
Найдется ли такая? Кто из вас
Решится тленным стать, чтоб смертный грех
Омыть людской? Кто праведный спасет
Неправедного? Есть ли в Небесах
Столь всеобъемлющее состраданье?"

Он спросил, но Эмпирей молчал.
Небесный хор немотствовал. Никто
За Человека выступить не смел,
Тем более вину его принять
Смертельную, возмездие навлечь
На собственную голову. И так,
Неискупленным должен род людской,
На Ад и Смерть сурово осужденный,
Погибнуть, но предстательство Свое
Сын Божий, воплощенье полноты
Любви божественной, возобновил:

"Изрек Ты, Отче: милости лишен
Не будет Человек. Ужель она
Его минует, из Твоих гонцов
Быстрокрылатейшая и ко всем
Твореньям находящая пути,
Предупреждая просьбы и мольбы?
Сколь счастлив Человек, что ей призыв
Не надобен и что сама собой
Приходит милость! Гибнущий в грехах,
Не в силах, умирая, он снискать
Твою помощь, искупить вину
Молитвами и жертвами. Взгляни
На Сына! Предлагаю жизнь за жизнь.
Взамен его меня прими. Твой гнев
Пускай меня карает. Человеком
Меня сочти, я из любви к нему,
Твое покину лоно, отрешусь
От славы, разделяемой с Тобой,
И за него умру охотно. Пусть
Смерть источит неистовство на мне.
Недолгий срок пребуду я в ярме
Ее угрюмой власти. Ты мне дал

Жизнь вечную, в Тебе я вечно жив
И Смерти подчинившись, ей отдам
Лишь смертное во мне. Когда же долг
Я уплачу, Ты в мерзостном гробу
Меня поживой Смерти не оставишь,
Мой чистый дух истленью не предашь.
Победно я воскресну, покорив
Смерть покорительницу, отниму
Добычу у нее, которой так
Она гордилась. Раны понеся
Смертельные, посрамлена, лишась
Губительного жала, Смерть во прах
Повергнется, а я плененный Ад
С триумфом повлеку через простор
Воздушный, силам адским вопреки,
И властелинов мрака предъявлю
Тебе в цепях. Возрадовавшись, Ты
С улыбкой на меня с Небес воззришь.
Я уничтожу всех моих врагов,
Последней Смерть и труп ее заполнит
Могилу. Окруженный сонмом душ,
Спасенных мной, на Небо я вернусь,
Где долгий срок отсутствовал и вновь
Увижу, Отче, Твой безгневный лик,
Не помраченный боле. Гнев навек
Исчезнет, воцарится близ Тебя
Одно лишь совершенное блаженство!"
Он смолкнул, но в молчанье кроткий взор
Безмолвно говорил, дыша любовью
Бессмертной к смертным людям, превзойти
Сыновье послушанье лишь могло
Любовь такую. В жертву принося
Охотно, радостно Себя, Он ждал
Решения Всевышнего Отца.
Все Небо изумилось, дивный смысл
И цель происходящего постичь
Не в силах, но Господь провозгласил:
"О, Ты, единый, здесь и на Земле,
Возмездие готовый отвести
От грешников и мир восстановить!
Моя утеха! Ведомо Тебе,
Сколь Мне созданья дороги Мои,
Средь них особо дорог Человек,
Последним сотворенный. Для него
С Тобой расстанусь, от Моей десницы
И от груди на время отрешу
Тебя, дабы спасти погибший род.
Лишь Ты его способен искупить.
Поэтому, Свою соединив
Природу с естеством людским, живи
Среди Людей, как смертный человек.
Чудесно Девой будешь Ты рожден
В урочный срок. Принадлежа к сынам
Адамовым, возглавишь род людской,
Погубленный Адамом, заменив
Ослушника собой. Ты возродишь,
Как новый корень, тех, кому спастись
Еще возможно, вне Тебя же нет
Спасения. Адамовым грехом
Все отпрыски его отягчены,
Твой подвиг только тех освободит,
Кто, от своих отрекшись дел дурных
И добрых, возжелает жить в Тебе,
Свет новой жизни от Тебя прияв.

По высшей правде должен заплатить
За человека человек, судим
Он будет и умрет, потом, воскреснув,
Он воскресит собратьев, дорогой
Ценою жизни искупленных. Так,
Любовь Небесная свирепый Ад
Повергнет, осудив себя на смерть
И жертвою бесценной искупив
Все, что легко свирепый Ад сгубил
И губит ныне тех, кто благодать
Снискать бы мог, но наотрез отверг.
Принятем плоти естество Свое
Не исказишь и не унизишь Ты.
Мне равный, царствующий наравне
Со Мной в сиянье славы, разделяя
Блаженство Божеское, этот блеск
Ты покидаешь, дабы мир спасти.
Заслугою превыше, чем рождением,
Ты Божий Сын и доброта Твоя
Дороже, чем могущество и власть,
Сияние Твоей любви сильнее
Сиянья славы, Ты, уничижась,
К высотам Трона Моего взнесешь
Свою людскую суть, чтоб во плоти
Державствовать, как Человек и Бог.
Сын Человеческий, Сын Божий, Ты
Миропомазанник, вселенский Царь.
Возвысаясь подвигом, вовеки правь!
Тебе всю власть вручаю. Будь главой
Начал и Сил, Престолов и Господств!
На Небе, на Земле, в подземной тьме
Геенны, да пригнется пред Тобой
Колено каждое! Когда с Небес
Ты явишься, во славе, в облаках,
И возвестить Архангелам велишь
Твой Страшный Суд, живые воспешат
Со всех сторон, и встанут мертвецы
Истекших всех столетий, ото сна
Разбуженные зычным зовом труб,
Дурных людей и Ангелов судить
В кругу святых Ты станешь, виноватых
Твой правый приговор низвергнет в Ад,
Наполняясь, он заикнется навсегда,
А мир сгорит. Из пепла и золы
Возникнут снова Небо и Земля,
Обитель праведников, где они
Дни золотые, после долгих мук,
И золотые, славные дела,
Возвеселясь в любви и правде, узрят.
Ты царский сложишь скипетр, в нем нужды
Нет более: Бог будет Всё? Во Всём.
Того же, кто согласен умереть,
Дабы сие свершилось, возлюбите,
О божества! и чтите, как Меня".

Едва изрек Творец, как прогремел
Ликующий, тысяchezвучный клич
Средь Ангельского сонма. Стройный хор
Несметных, сладкопевных голосов
Восторженной "осанной" огласил
Весь Эмпирей. Смиренно преклонясь
К подножьям Тронов Сына и Отца,
Слагают Ангелы венки свои,
Где золото и вечный амарант

Сплелись, тот амарант, что цвел в Раю,
Близ Древа жизни, но когда Адам
Ослушался, на Небо снова взят,
Прародину свою, теперь цветок
Источник жизни снова осенил,
Где волны амбры средь Небес влечет
Блаженная река, среди полей
Элизия. Невянущим Цветком
Благие Духи кудри украшают
Лучистые свои, теперь венки
Устлали пол, сверкавший в багреце
Душистой россыпи небесных роз,
Улыбчиво подобно морю яшм.
Позднее Духи, увенчавшись вновь,
За арфы гармоничные взялись,
Что, золотом горя, висят у них,
Как тулы, сбоку, сладостный аккорд
Симфонии начальной возбудил
Восторг высокий. Дивно зазвучал
Священный гимн, слились все голоса
В едином хоре не молчит никто.

Так слаженно поют на Небесах.
Сперва Тебя, Отец, воспели, Царь
Всесильный, бесконечный, неизменный,
Бессмертный, вечный, сущего Творец,
Источник света, но незримый Сам,
Когда Ты восседаешь в вышине,
На неприступном Троне, средь лучей
Струящихся. Но если яркий свет
Ослабишь Ты и риз Твоих края
Мелькнут меж туч, облекших Твой Престол
Ковчегом лучезарным, этот блеск
Слепит все Небо, взора не прикрыв
Крылами, самый светлый Серафим
Приблизиться к Престолу не дерзнет.
Затем Тебя воспели, первозданный,
Подобный Богу, Им рожденный Сын.
Нескрытый облаками облик Твой
Являет всемогущество Отца,
Которого воочью увидеть
Не может никакое существо.
Почиет отблеск славы на Тебе
Господней, Божий Дух в Тебя вселен.
Твоей десницей сотворил Господь
И Небеса Небес, и сонмы Сил
Небесных и низверг Твоей десницей
Мятежников смятенных в оный день,
Когда, громов Отцовских не щадя
И колесницы огненной разбег
Не замедляя. Неба вечный свод
Поколебав, Ты мчался по хребтам
Бегущих врассыпную бунтарей.
С победой Ты вернулся и войска
Небесные прославили Тебя,
Единый Сын Отцовской мощи. Мстишь
Ты беспощадно всем Его врагам,
Не Человеку, что поправил запрет,
Поддавшись вероломству. О Отец
Всемилоостивый! Ты не осудил
Сурово грешника, но сострадал
О нем. Единый Сын любимый Твой,
Едва узрел, что Ты суровый суд
Над слабой тварью умягчить готов

И клонишься к пощаде, утишить
Стремясь Твой гнев и завершить борьбу
Меж справедливостью и милосердьем,
Что отражалась на Твоем челе,
Он, жертвуя блаженством: быть вторым,
С Тобою рядом, смерти предаёт
Себя, дабы людскую искупить
Вину. О, беспримерная любовь,
Лишь Божеству доступная! Хвала
Тебе, о Божий Сын, Спаситель наш!
Отныне этих песен родником
Твое да будет имя. Никогда
Не перестанет арфа прославлять
Моя, Отца и Сына нераздельно!

При звуках гимнов радостно текли
В надзвездной сфере, в Небесах, часы
Благие. Той порою Сатана
Ступил на твердый, мрачный, полый шар,
Что меньшие, лучистые вмещал
Шары, от Ночи древней оградив
И Хаоса. Издалека округла
Поверхность шара внешнего, вблизи
Предстала плоской сумрачной страной,
Пустынной, дикой ширью, без границ,
Затерянной в ночной, беззвездной тьме
И окруженной завываньем бурь
Неистового Хаоса, таков
Был негостеприимный материк.
Лишь с краю одного едва сквозил
Далекий отблеск от Небесных стен,
И вихрь не столь свирепо там ревел.
Здесь Враг шагал привольно, словно гриф
Имауса, чьи снежные хребты
Стоят преградой на стезе татар
Кочующих, от скудных скал родных,
Где нет поживы, хищник прочь летит
На поиски барашков и козлят,
К верховьям Ганга и Гидаспа рек
Индийских, где пасутся их стада,
В нагорьях, но садится отдохнуть
Среди пути, на степи Сериканы,
Где легкий, тростниковый свой возок
Китаец, парусами оснастив,
По ветру мчится. Так скитался Враг
Совсем один, в пустыне, что была,
Как море, ветром вздыблена, ища
Добычи, одиноко он шагал,
Затем что не было еще в ту пору
Ни мертвых, ни живых созданий здесь.
Впоследствии, когда насытил грех
Тщеславием деяния людей,
Проникли, как воздушные пары,
Сюда все воплощенья суеты,
Все временные, бранные свершенья,
А заодно и те, кто возлагал
На них надежду: славу обрести
Бессмертную и счастье, в бытии
Земном и замогильном, кто хвалу
Снискать людскую тщился, кто сполна
Награду в здешней жизни одержал
Прискорбных предрассудков порожденья
И рвения слепого, все они
Теперь стяжают подлинную мзду

Пустую, по деяньям их пустым.
То, что Природой не завершено
И создано нескладно: недоноски,
Ублюдки и уродцы, на Земле
Излишние, слетаются сюда
И своего уничтоженья ждут,
Бродя бесцельно здесь не на Луне,
Как некоторым грезилось порой;
Нет, лунные поля из серебра
Жилище тварей более достойных,
Верней всего, убежище святых
И Духов, чей состав переходной
Меж Ангельским составом и людским.
Сначала в этот край перенеслись
От брака сыновей и дочерей
Неравного рожденные сыны
Гиганты древности, в былых веках
Прославленные за напрасный труд,
Явились те, что в суетной тщете
В долине Сеннаарской возвели
Близ Вавилона башню и теперь
Готовы снова башни воздвигать,
Когда бы строить было из чего.
Врозь, чередом являлись: Эмпедокл,
Что в кратер Этны прыгнул, божеством
Желая почитаться, Клеомброт,
В морскую глубь нырнувший, чтоб скорей
В Платоновский Элизиум попасть.
Но долго было б всех перечислять
Зародышей, кретинов, дурачков,
Отшельников, монахов белых, черных
И серых лицемеров и святош,
Со всею их обманной мишурой,
Паломники забрались в эту даль,
Что мертвого искали на Голгофе
Христа, живущего на Небесах;
Здесь те, кто в смертный час напялил рясу,
Мечтая в рай попасть наверняка,
В сутане Доминика, в клобуке
Франциска. Вот круги семи планет
Они минуют, круг недвижных звезд
И свод кристальный, чей противовес
Попятный ход планет определяет,
Своим вращеньем равновесье тверди,
Как судят многие, и наконец,
Круг перводвигателя, мнится им,
Что у калитки Врат Небесных ждет
Их сам Апостол Петр с ключом в руке.
Они заносят ногу на ступень
Небесной лестницы, но встречный вихрь
Могущественный их сдувает прочь
В пустынный мрак, на десять тысяч лиг.
Вы наблюдать могли бы, как летят,
Вертясь и разрываясь на клочки,
Сутаны, капюшоны заодно
С владельцами, как четки, буллы, мощи,
Обрывки индальгенций, лоскуты
Помилований мчатся кувырком,
Уносятся в изнанку мира, в Лимб,
В окраину, которая с тех пор
Зовется "Рай глупцов", она пока
Безлюдна и безвестна, но поздней
Немногим незнакома. Враг набрел
На этот шар угрюмый по пути

И долго странствовал, но слабый луч,
Во мгле блеснув, привлек его, и он,
В ту сторону усталые стопы
Поспешно устремив, издалека
Роскошное строенье увидал,
Ступенчатое, ведшее к стенам
Небес, венчали верхнюю плиту
Как бы врата монаршего дворца,
Над ними раззолоченный фронто
Алмазами блистал и был портал
Осыпан самоцветами Востока.
Немыслимо воздвигнуть на Земле
Ни слабого подобья этих врат,
Ни даже кистью их изобразить.
По лестнице такой же, вверх и вниз,
Сновали толпы Ангелов, когда
Иаков от Исава шел в Харран
И под открытым небом задремал
На поле, возле Луза, и, во сне
Ее увидев, молвил, пробудясь:
"Сие Врата Небесные!" Ступени
Имели, каждая, свой тайный смысл,
А лестница порой скрывалась в Небе.
Под ней сверкало море цвета яшм
И жидких перлов, праведников сонм,
Покинув здешний мир, переплывал,
Ведомый Ангелами, эту хлябь,
Иных же над поверхностью морской
Несла упряжка огненных коней.
Та лестница опущена теперь,
Чтоб восхождением легким раздражить
Врага, иль, может быть, печаль разжечь
Красою им утраченных навек
Небесных Врат. Проем широкий вел
От лестницы к Земле, в блаженный край
Эдема, шире много той дороги,
Что на Синай впоследствии вела,
В обетованную страну, Творцом
Возлюбленную, Ангелы не раз
Туда летали, чтоб осведомить
О воле Божьей избранный народ,
А Сам Господь с любовью взирал
На область: от Панеи, где берет
Начало Иордан, до рубежей
Святой Земли, с Аравией, с Египтом,
Вблизи Вирсавии и тот проем
Тьме полагал предел, как берега
Обуздывают бурный океан.
С подножья лестницы, на Небеса
Ведущей, со ступени золотой,
Ошеломленный Сатана глядел
На необъятный мир, ему внизу
Представший. Так лазутчик, напролет
Всю ночь рискуя жизнью, среди глухих
И мрачных троп, с рассветом наконец
Восходит на высокий холм и вдруг
Его глазам просторы предстают
Цветущие неведомой страны
Иль город многобашенный, в лучах
Восхода, золотящего шпили
И купола сверканьем заревым.
Таким же изумленьем поражен
Был Архивраг, хоть в прошлом созерцал
Величие Небес, но красота

И совершенство мира, что ему
Был явлен, породили в Духе Зла
Не столько удивленье, сколько зависть.

Всю сферу оглядел он (без труда,
Поскольку высоко был вознесен
Над медленно кружащимся шатром
Длиннейшей тени Ночи), от Весов,
От их восточной точки, до Овна,
Что Андромеду за рубеж увлек
Атлантики, за дальний горизонт.
От полюса до полюса обвел
Он взором ширь. Внезапно прянул вниз,
К светилам ближним. Быстро и легко
Сквозь чистый воздух мраморный скользнул,
Лавируя среди небесных тел
Несметных. Звездами издалека
Они ему казались, но вблизи
Явились как миры, как острова
Блаженные, подобные садам
Прекрасным Гесперийским, в старину
Прославленным. О рощи и поля
Приветные! Долины сплошь в цветах!
Вы, острова, блаженные трикраты!
Но Сатана не стал разузнавать,
Что за счастливицы обитают здесь.
Лишь Солнце золотое, из светил
Ярчайшее, влечет его, к нему
Он мчится, средь вселенской тишины
(От центра или к центру, вверх или вниз,
Вширь или вдоль, определить нельзя).
Великого светила он достиг,
Сиянье изливавшего на рой
Обычных звезд, кружащихся вдали
От взора Властелина. Хоровод
Созвездий отмеряет плавный ритм
Дней, месяцев и лет, вертясь вокруг
Источника живительного света,
Иль, может, Солнце направляет их
Усиьем магнетических лучей,
Дарящих благотворное тепло
Вселенной, проникающих везде,
В земные недра и морскую глубь
Незримо. Назначенье таково
Чудесное светлейшей из планет.

Враг на нее спустился, в телескоп
Обозревая Солнце, астроном
Не видывал подобного пятна.
Сияло солнечное вещество
Невыразимо ярко, ни с одним
Металлом или камнем на Земле
Сравнить его нельзя и хоть оно
Не однородно светом налилось
Насквозь, как раскаленное железо
Огнем. То золотом, то серебром
Оно казалось, а местами блеск
Напоминал искрящейся игрой
Карбункул, хризолит, рубин, топаз,
Все камни драгоценные, в числе
Двенадцати, которыми сверкал
Нагрудник Аарона, и еще
Тот камень, что существовал в мечтах
Верней, чем наяву, искали зря

Философы столетьями его,
Хоть с помощью всемогущего искусства
Летучего Меркурия связать
Сумели, даже древнего смогли
Протея многоликого извлечь
Из вод морских, чтоб в кубе перегонном
Он прежний принял вид. Немудрено,
Что солнечные доли и поля
Чистейший источают эликсир,
А реки жидким золотом текут,
Когда одним касаньем мастерским
Великий химик Солнце, на таком
Огромном расстоянии, в темных недрах,
Из разных смесей с влагою земной,
Бессчетно драгоценности творит,
Столь редкой силы и расцветки пышной.
Здесь Дьявол много нового нашел,
Ничем не ослепляясь, вдаль и вширь
Он смотрит невозбранно: нет препон
Для взора, ни теней, лишь яркий свет,
Как на экваторе, в полдневный час,
Когда от Солнца падают лучи
Отвесные и лишены теней
Все темные тела. Здесь, как нигде,
Прозрачен воздух, острый взор Врага
Благодаря ему так далеко
Проник, что различил на горизонте
Прославленного Ангела, того,
Которого на Солнце Иоанн
Увидел. Отвернулся он лицом,
Но по сиянью Враг его узнал,
По золотой, из солнечных лучей,
Короне, по сверкающим власам,
Волною ниспадавшим на плеча
Крылатые. Казалось, думал он
О важном порученье или был
Охвачен созерцаньем. Злобный Дух
Возликовал, надеясь обрести
Указывателя, который в Рай,
В обитель безмятежную людей.
Его полет скитальческий направит,
Там кончатся его блужданья, там
Начнутся беды наши, но, стремясь
Опасностей избежать и помех,
Сперва он вздумал облик изменить
И обернулся юным Херувимом,
Не из главнейших. Лик его сиял
Улыбкою небесной, каждый член
Дышал изяществом, так Враг умел
Притворствоваться. Воздушный ореол
Волос, из-под повязки золотой,
Ланиты оведал, его крыла
Сплошь в блесках золотых, цветным пером
Пестрели. Торопливо подобрал
Подол, с жезлом серебряным в руках,
Он скромно приближался и шаги
Его заслышав, обратил к нему
Блестящий Ангел свой лучистый лик,
И тотчас Уриила Враг признал,
Архангела, из тех, в числе семи,
Ближайших к Богу и Его Престолу,
Всегда готовых волю исполнять
Господню, это очи Божества,
Все Небо облетающие вмиг,

Гонцы стремительные, что несут
Посланья Божьи по материкам
И океанам, суше и воде.
И Сатана сказал: "Ты, Уриил,
Один из тех семи, что предстоят
Близ Трона Вседержителя, в лучах
Извечной славы, первый из гонцов,
Вещающий Всевышнего посланья
Всем Небесам высоким, где тебя
Сыны Господни в нетерпенье ждут.
По Высочайшей воле службу здесь
Почетную, наверно, ты несешь:
Следишь, как Божье око, за Его
Твореньем новым! Дивный этот мир
Узреть я жажду и познать. Влечет
Меня всего сильнее Человек,
Любимец Божий, баловень Творца,
Создавшего все эти чудеса
Для Человека. Так желанье жгло
Меня, что я пустился в долгий путь,
Один, покинув херувимский хор.
О светозарный Серафим! Скажи,
Какой из этих блещущих шаров
Назначен Человеку? Или он
Обосноваться вправе на любом?
Чтоб явно или тайно созерцать,
Ищу того, кому Господь миры
Дарует, на щедроты не скупясь.
В созданье этом новом, как во всем,
Что создано, да возгласим хвалу
Зиждителю Вселенной; Он изгнал
Врагов мятежных правосудно в Ад,
Создав, дабы утрату возместить,
Счастливым род людской. Творец премудр!"

Так молвил вероломный лицемер
Неузнанный. Притворство разгадаю"
Ни ангелам, ни людям не дано,
Из прочих зол единое оно
Блуждает по Земле и кроме Бога,
По попущенью Господа, никем
Не зримо, Мудрость бодрствует порой,
Но дремлет Подозренье на часах
У врат ее, передоверив пост
Наивности, незримое же Зло
Сокрыто от невинной Доброты.
Так был правитель Солнца Уриил
Обманут, хоть считался в Небесах
Из Духов самым зорким и теперь
Ответствовал на дерзостную речь
Притворщика правдиво, как всегда:

"Прекрасный Ангел! То, что жаждешь ты,
Дела Творца узрев, Ему хвалу
Воздать не порицаемо, напротив!
Тем более, что одинокий путь
Предпринял ты, покинув Эмпирей,
Чтоб зреть воочью то, о чем другим
На Небесах достаточно вполне
По описаньям знать. Его дела
Воистину чудесны и глядеть
На них услада, радостно о них
С благоговеньем вечно вспоминать.
Но чей возможен сотворенный ум

Исчислить их, безмерную постичь
Премудрость, что их создала, укрыв
В глубокой тьме причины всех вещей?
Я видел, как бесформенная масса
Первоматерии слилась в одно
По слову Господа и Хаос внял
Его глаголу, дикий бунт притих,
Законам покорясь и обрела
Пределы беспредельность. Он изрек
Вторично и бежала тьма, и свет
Возник, из беспорядка родился
Порядок, по назначенным местам
Расположились элементы вмиг
Тяжелые: Земля, Вода, Огонь
И Воздух, квинтэссенция Небес
Эфирная умчалась вверх, скруглясь
Во множество шарообразных форм,
В скопления неисчислимых звезд.
Они, как видишь, по своим орбитам
Поныне движутся и точный ход
У каждой. Остальное вещество
Вселенную обстало как стеной.
На шар взгляни, что яркой обращен
К нам стороной и отражает свет,
Отсюда льющийся, тот шар Земля,
Обитель Человека. День царит
На светлой гемисфере, дабы ночь
Не завладела ею, как сейчас
Владеет полушарием другим.
Но там на помощь ближняя Луна
(Так противостоящую звезду
Прекрасную зовут) приходит в срок
И ежемесячный свершает круг,
Исчезнув, нарождается опять,
Насытив светом трисоставный диск,
Она свой блеск заемный отдает,
Служа Земле лампадой, ночь теснит
В ее владенья бледные. Смотри,
Вон то пятно и есть Адамов Рай,
А эта тень его шалаш. Теперь
С пути ты не собьешься, а меня
Мой призывает путь". Промолвив так,
Он отошел. Глубоко Сатана
Склонился, по обычаям Небес,
Где высшим Духам низшие почет
И уваженье воздают всегда,
И ринулся к земному рубежу
С эклиптики. Надеждой на успех
Пришпоренный, он за витком виток
Стремительно описывал, пока
Не приземлился на горе Нифат.